

Без амбиций!

БАХАДУР ЮЛДАШЕВ,
главный режиссер
Ташкентского государственного
узбекского драматического
театра «Еш Гвардия»

— Наш театр открылся в год 50-летия ВЛКСМ. Это был подарок молодежи Узбекистана. Потом... наступили трудные времена: менялись режиссеры, лихорадило репертуар, горели нервные клетки артистов... Каким должен быть молодежный театр? Чем отличаться от нашего же ТЮЗа, где тоже идут спектакли для юношества? От академической драмы, с ее дневными детскими спектаклями? Каким должен быть язык общения молодежного театра со своим зрителем? Смешно при нынешнем наплыве информации видеть охранительные надписи «Детям до 16-ти...» И стыдно — полупустые залы на помезных, парадных постановках. Мы часто ставим живые пьесы, а это губит актеров, зритель перестает ходить к нам. Обидная цепочка... Но разве не преступление — показывать работу, которая, что называется, обсуждению не подлежит?

Мы решили вернуться к истокам узбекского театра. Огромный двор у нашего здания превратился в сценическую площадку. Актер, который умеет играть на площади, — умеет все. «Котурны» ему не нужны, зато необходим

профессиональный азарт и отвага, гражданское мужество.

Обычно на такой спектакль актер приглашает всех соседей — весь свой дом, двор, улицу. Они собираются на площади, пьют чай, разговаривают... Встреча длится от пяти до десяти часов вечера. Сперва мы рассказываем об актере: вот кто живет рядом с вами, потом он — о своих друзьях. И начинается спектакль, в котором нет дистанции «сцена — зал», где зрители «загораются» от общения друг с другом.

Каждую субботу в нашем театре — вечер многодетных семей. Выходят на сцену человек 150 — семья, и идет рассказ о том, как люди любят друг друга, воспитывают детей. Вот, предположим, из 80 детей, среди которых есть ученые, артисты, врачи, два парня осуждены. Почему? Как вышло? Разговор очень серьезный, и в нем участвуют соседи, педагоги, отцы и дети. Мы вообще стараемся не делить свой зал на «взрослый» и «подростковый». Когда все вместе, вырабатываются и общие ориентиры восприятия, а в компании подростковой оценки смещаются, есть момент «бравда моего неприятя».

По пятницам у нас встречи с молодыми поэтами, а после спектакля — непременно обсуждение. Пусть высказывания навивны, на уровне «нравится—не нравится», но человек хочет и вправе высказать свое мнение. На три-четыре месяца вперед расписана очередь на наши вечера в конце недели.

Мы хотим сделать свой театр центром узбекской молодежи. Чтобы приходили в зал не к последнему звонку, а, скажем, днем, часам к трем: встретиться с актером, посмотреть репетицию, послушать музыку, поговорить. Это все надо уметь делать. Попробуем!

Сейчас идет борьба с так называемым «средним» спектаклем. Но все равно они высказывают. Такая профессия колдовская — нельзя предсказать результат. Я — за спорные спектакли, но когда спор идет с художественных позиций. А то порой хочется войти в зал и... бросить полотенец. Так делают, чтобы остановить бой ввиду явного преимущества соперника.

Обсуждения на фестивале сбивают амбиции, и это очень хорошее дело. У нас есть все, чтобы получился театр, но нет объективности в оценке своих работ. Своих критериев явно недостаточно, необходимо общение и звание.

Какими будут новые наши встречи? «Наурыз» — весенний праздник, и наш площадной спектакль «Проделки Майсары» очень вписался в его программу. Кто-то сетовал: эх, нам бы привезти другую постановку... Может быть, на следующем фестивале мы увидим драматургию народов СССР на сценах национальных театров? Или русские театры, работающие в национальных республиках? Не знаю. Кажется, Наполеон говорил: «Ввяжемся в бой, а там видно будет». «Наурыз» положил начало важному, нужному делу. Мы ввязались в бой.

Семьдесят лет Узбекскому театру - 1999 - 21 апреля